

Камни Линды

Антология историй жизни эстонских женщин

Перевод с английского: А. Жуматаева
Редактор: Р. Фокин

**Kaasrahanud
Euroopa Liit**

Бегство на Запад

Рутт Хинрикус

Эстонцы за границей

Во время советской оккупации термин «эстонцы за границей» означал почти исключительно тех эстонцев, которым удалось бежать в 1944 году. Они жили на том самом Западе, который у простых эстонцев вызывал почти мифическое представление о существовании, потому что для большинства из них Запад был чем-то запретным, привлекательным и недостижимым. «Эстонцы за границей» - это политическая категория, которая не обозначает их территориального местонахождения, так как не включала многочисленных эстонцев, проживающих в восточной части Советского Союза. Самой важной характеристикой «эстонцев за границей» было то, что они были свободны от обязательства жить в Советском Союзе – другими словами, они жили за его границами.

Определённое количество эстонцев всегда жило за пределами своей страны как это обычно бывает у большинства народов. Существование небольших эстонских общин за пределами Эстонии (в том числе в России и Финляндии) имеет давнюю историю. Корни современных эстонцев и вытекающие из этого проблемы — связи с родиной, отношения в стране, которая их приняла, сохранение собственной культуры, языка и идентичности, актуальны уже почти 150 лет.

Первые крупные эстонские общины возникли во второй половине XIX века, когда большое количество эстонцев (приблизительно 120 000) отправилось в Россию, где они могли получить бесплатную землю (Рааг 1999, 38-46). В 1860-х годах к востоку от Чудского озера, в Крыму, на Кавказе, в Сибири и центральной России было основано около 318 эстонских деревень. Эти общины развились в богатые деревни, где велись культурные мероприятия на родном языке. На эстонском языке издавались газеты и основывались эстонские школы. В начале 20-го века около восемнадцать процентов эстонцев, примерно 200 000 человек, жили в России. Значительное количество из них — 37 578 человек — вернулись на родину в начале 1920-х годов (Кулу 1997, 278). Во время репрессивной эпохи Сталина эстонские деревни были уничтожены, а эстонский язык, культурная жизнь и школы были ликвидированы.

Во второй половине 19-го века, когда северная Европа переживала несколько волн эмиграции, люди уходили не только на восток, но и на запад, преимущественно в США (в 1910 году в США проживало 10 000 эстонцев (там же, 279). Некоторое количество эстонцев проживало и в других странах. После создания независимой Эстонской Республики многие вернулись на родину, но эмиграция происходила и в период экономической депрессии 1920-1930-х годов. Помимо переезда в США, много эстонцев отправлялось в Австралию и Южную Америку. Эмиграция до начала Второй мировой войны происходила, в основном, по экономическим причинам.

Исход 1944 года

Самый массовый исход эстонцев произошел во время Второй мировой войны, когда около девяти процентов населения республики или около 70 000 человек покинули страну (Там же, 279). Число тех, кто хотел уехать, было, на самом деле, больше, но многие просто не успели сделать этого вовремя. Причины эмиграции во время Второй мировой были политические и большинство людей бежали с надеждой, что это временно. Они надеялись вернуться домой после окончания войны. Предпосылкой к исходу 1944 года послужил Пакт Молотова-Риббентропа 1939 года. В результате этого пакта около 4000 эстонцев в 1939 году решили покинуть страну вместе с 16 000 балтийских немцев, которые жили в Эстонии веками (Рааг 1999, 61). В 1940, когда началась советская оккупация, капитаны кораблей, отказавшиеся вернуться и передать свои суда Советскому Союзу, были объявлены предателями. Та же участь постигла семьи моряков и близких родственников и те же правила применялись к дипломатическому персоналу Эстонии за рубежом. Таким образом, первыми политическими изгнанниками за пределами Эстонии стали те эстонцы, которые отказались возвращаться домой в 1940 году.

После года советского террора многие наивно надеялись, что Гитлер восстановит суверенитет Эстонии. Столкнувшись с другой враждебной реальностью около 5000 молодых людей бежали в Финляндию, чтобы избежать немецкой мобилизации. Число беженцев увеличилось осенью 1943 года, когда стало ясно, что Советы снова вернутся в Эстонию. Летом и осенью 1944 года

произошел самый массовый исход (примерно 70 000 – 75 000 человек) (Там же, 62; Кулу 1997, 279). Большинство людей бежали в Швецию и на немецких кораблях в Германию. В Финляндии было опасно из-за условий советско-финского мирного соглашения, подписанного осенью 1944 года, согласно которому Финляндия была обязана вернуть эстонских беженцев в Советский Союз, так как они считались бывшими советскими гражданами.

В конце войны многие люди не могли решить, бежать ли им из Эстонии или остаться дома. Все помнили ужас 1941 года, когда происходили массовые депортации и насилие со стороны батальонов уничтожения. Люди боялись неизвестности. Они чувствовали опасность в возвращении советской власти, потому что невинные люди уже пострадали от советского террора не понимая, почему они стали жертвами.

В Швеции были организованы неофициальные спасательные операции. В 1943 году Эстонской организации помощи удалось провести довольно много морских вылазок, но большинство людей бежали как могли. В основном, они обращались к владельцам лодок и договаривались о времени и месте встречи на берегу, чтобы пересечь море. В сентябре 1944 года немецкий восточный фронт рухнул и немецкие войска решили оставить Эстонию. Эстонские бойцы, которые отправились на восточную границу, чтобы остановить возвращение Красной Армии, потерпели неудачу. Некоторым из них повезло сбежать по морю, а некоторые спрятались в лесах, чтобы продолжать сопротивление.

В мемуарах часто упоминается о том, что осенью 1944 года дороги были переполнены, люди двигались к побережью. Быстрое наступление Красной Армии и осенние штормы на море стали

причиной того, что многие были вынуждены вернуться домой. Большинство людей были гражданскими и каждая попытка сбежать была связана либо с риском быть захваченным немецким береговым патрулем, либо погибнуть в штормовом море. Часто люди добирались до побережья, но обнаруживали, что лодок больше нет. Немецкие власти были готовы принять людей, бежавших в Германию, но эту возможность использовали, в основном, те, у кого не было других вариантов. Многие просто оставались за линией быстро движущегося фронта, а затем возвращались к часто сожжённым и разрушенным домам.

Неизвестно, сколько людей погибло во время штормов на море или затонуло вместе с разбомбленными кораблями. Катастрофа, произошедшая с «Moero» и «Nordstern» в сентябре 1944 унесла тысячи человеческих жизней, превратив морские воды в братскую могилу.

Бегство в "землю обетованную"

Критические и драматические события в мемуарах всегда описываются более ярко, чем стабильные периоды. В мемуарах изгнанников описания бегства по воде занимают важное место, даже если море было спокойным. Часто описания лагерей для беженцев переплетаются с рассказами о самом бегстве, создавая повествование о критическом переломном моменте в жизни. Это можно рассматривать как героическое путешествие в неизвестность, которое, после преодоления больших трудностей, привело к "земле обетованной".

По оценкам, общее количество эстонских беженцев в Германии и Швеции в конце войны составило от 70,000 до 75,000 человек. Более 40,000 эстонцев прибыли в Германию вместе с эвакуированными военными (Raag 1999, 62). Западные союзники не могли понять, почему балтийские беженцы не хотят возвращаться на свою оккупированную родину. В основном, в разрушенной войной Германии о беженцах заботились международные гуманитарные организации, такие как UNRRA (Администрация помощи и восстановления Организации Объединённых Наций).

Число эстонских беженцев в Швеции в 1945 году составило 28,369 человек. После краткого периода в лагере для беженцев им предоставляли работу. Сначала молодые мужчины работали в лесах, а женщины — на текстильных фабриках или других рабочих местах, где обучение не занимало много времени. Для пожилых и образованных людей находили работу в архивах (Ibid., 70).

Официальное количество эстонцев в лагерях для перемещённых лиц (DP) в Германии в 1946 году составляло 31,221 (Ibid., 65). Со временем часть людей уехала из Германии в Швецию (воссоединение семей, трудоустройство). В целом, жизнь в Швеции считалась лучше, чем в Германии, там беженцы могли найти работу, продолжить обучение и получить жильё. В разрушенной войной Германии не хватало даже самых необходимых вещей и беженцы, живущие в лагерях, полностью зависели от помощи международных организаций.

В других европейских странах, включая Данию, Францию и Бельгию, тоже были небольшие группы эстонских беженцев. Некоторым молодым людям даже удалось поступить в университеты

и к 1954 году 177 студентов эстонских вузов получили немецкие дипломы.

На смену UNRRA в 1947 пришла IRO (Международная организация помощи), перед которой стояла задача найти постоянное место жительства для военных беженцев, которые отказались ехать в Советский Союз или на контролируемые им восточноевропейские территории. Начиная с 1947 года люди из Германии начали по квотам эмигрировать в Австралию, США, Канаду и другие места. С 1946 по 1957 год 12,659 эстонцев прибыло в США, примерно в то же время 14,310 эстонцев отправились в Канаду, и 6,359 — в Австралию (Ibid., 67-73).

Еще долго после войны европейские беженцы опасались новой войны и распространения влияния Советского Союза в Европе. Особенно паника охватила прибалтийских беженцев в Швеции после того, как шведское правительство заключило соглашение с Советским Союзом о возвращении ветеранов, сражавшихся против Красной Армии, обратно в Советский Союз. 25 января 1946 года 153 прибалтийских ветерана, среди которых было семь эстонцев, были депортированы на советский корабль. Это и вызвало панику. В Швеции тоже стало опасно.

Многие решили покинуть небезопасный Старый Свет и отправились в США, Канаду или в места с непривычным для них климатом. Можно утверждать, что после войны неоднократная смена места жительства была довольно распространенным явлением, люди искали лучшие возможности для работы и условия для жизни. В результате, многие переезжали из одной европейской страны в другую или отправлялись в более отдалённые страны, такие как Южная Африка. Самые большие эстонские поселения

находились в Швеции (около 22,000 человек), в США (около 30,000, включая более ранних переселенцев и 16,000 человек, которые приехали после войны), в Канаде (18,000), Австралии и Новой Зеландии (6,000), Великобритании (3,000–5,000) и Германии (3,000) (Мяги, Ристикиви и Кангро 1973, 6–8; Рааг 1999, 67–73). Различные исследования эстонских поселений показывают несколько разные цифры.

Обустройство

Адаптация к новой среде была облегчена тем фактом, что во многих странах уже существовали эстонские общины. Но первые годы многие жили «на чемоданах», надеясь, что, в конечном итоге, им удастся вернуться домой. И беженцы, и те кто остался в оккупированной Эстонии, по-прежнему верили, что историческая несправедливость не продлится долго и что союзники не оставят Прибалтику в составе Советского Союза. Они верили, что довоенные границы будут восстановлены, новые договоры будут подписаны и возвращение домой станет возможным.

Некоторые из тех, кто в конце войны оказался на территориях, оккупированных Советами (в Германии, Польше и Центральной Европе), вернулись на родину. Их было немного.

В Эстонии стало нормой скрывать свое прошлое или молчать о нем. Мир узнал о масштабах катастрофы, но потери крупных держав затмили число погибших эстонцев. При подсчете жертв Гитлера никого не интересовали жертвы Сталина. Сталин принадлежал к числу победителей. Поскольку победителей не судят, спустя полвека все еще игнорируется тот факт, что число жертв Сталина

превышает число жертв Гитлера (Эпплбаум 2003). Кроме того, лишь изредка можно услышать упоминания о том, что преступные деяния Советского Союза так и не были осуждены и искуплены.

В своей известной книге *«ГУЛАГ: История»* Энн Эпплбаум рассматривает цифры, связанные с жертвами сталинского режима. В предисловии она упоминает голод, организованный режимом Сталина в 1930-х годах, и добавляет: «Сталин убил больше украинцев, чем Гитлер евреев» (там же, стр. 19), а затем задает вопрос: «А сколько людей на Западе об этом помнят?» (там же, стр. 19). В приложении «Сколько» (там же, стр. 578-86) она исследует вопрос о числе жертв, которое измеряется миллионами, и объясняет сложности при определении точных цифр, поскольку жертвы Сталина являются частью общего числа жертв коммунистического режима. В книге *«Черная книга коммунизма»* указано, что жертвами Советского Союза стали 20 миллионов человек (Куртуа и др. 1999, стр. 4), но Эпплбаум отмечает, что в других источниках называются цифры ближе к десяти или двенадцати миллионам' (Эпплбаум 2003, стр. 584).

Годами советские агенты убеждали беженцев вернуться на родину. Большинство из тех, кто вернулся сразу после войны, смогли продолжить свою жизнь без преследований, но некоторые из тех, кто вернулся позже, столкнулись с трудностями, которые часто заканчивались трагически.

Беженцы организовались очень быстро. В немецких лагерях для перемещенных лиц культурная жизнь возникла сразу после окончания войны и продолжалась до тех пор, пока большинство людей не эмигрировало. Все время, пока беженцы находились в Финляндии, они занимались культурной деятельностью и этот

настрой остался с ними, когда они переехали в Швецию. В Швеции культурная жизнь была организована уже осенью 1944 года, сразу после большого исхода по морю. Когда к 1950 году беженцы прибыли в США и Канаду они и там организовали культурную деятельность. Таким образом, культурная жизнь была налажена во всех крупных поселениях эстонцев за границей. Были организованы всевозможные общества, издавались эстонские газеты, создавались эстонские общины и школы (в основном, в качестве дополнительного образования), а также активно функционировали разнообразные группы по интересам. Эстонцы быстро адаптировались к экономической жизни своих новых стран. Они были хорошими работниками и часто успешными предпринимателями (малый бизнес). Со временем эстонские общины стали строить церковные здания, здания для проведения общественных мероприятий, а в некоторых случаях и то и другое происходило под одной крышей.

Политическая деятельность, целью которой было восстановление независимости Эстонии, частично осуществлялась через прежние политические объединения или на региональном уровне. Местные организации стали частью национальных эстонских организаций, которые спонсировали международные мероприятия.

Литература, опубликованная в изгнании до начала 1960-х годов, превысила по количеству названий и общему числу страниц литературу, изданную в Эстонии. В дополнение к оригинальным художественным произведениям было опубликовано большое количество мемуаров, содержащих рассказы о жизни в Эстонии, а также о бегстве и жизни в изгнании.

Истории жизни беженцев и депортированных начинаются с их путешествий. Эти путешествия были такими же разными, как и

пункты назначения. Как и повествования о жизни, рассказы о путешествия описываются по одной схеме: одни и те же основные моменты, трудности, преодоленные во время путешествия, адаптация к новой среде, работа в этой новой среде, создание нового дома.

Свидетельство трагедии стало центральной темой в рассказах депортированных и обычно эти рассказы заканчиваются возвращением домой и трудностями в восстановлении своей жизни. Истории беженцев, напротив, представляют собой смесь свидетельства о несправедливости и ностальгических картин об утраченной родине. Это истории изгнанников, которые рассказывают, откуда они пришли и как достигли своего нынешнего положения.

Эстонцы в изгнании были энергичны и продуктивны. Они сохраняли преемственность эстонского государства и культуры, при этом добиваясь стабильности в своей жизни. На родине долгое время не знали о судьбе беженцев. Только после смерти Сталина стали приходить письма и были разрешены редкие визиты из-за границы.

Потерять значительную часть населения — национальная трагедия. Беженцы первого поколения постоянно несли с собой чувство утраты и сталкивались с реальностью, в которой не было пути назад нет. Потомки беженцев сталкиваются с вопросами о том, кто они и какие, сколько у них идентичностей. Они задаются вопросами, стоит ли выбрать культуру и гражданство страны, которая их приняла и/или вернуться на свою исконную землю. В конечном итоге, они не чувствуют себя полностью свободными,

потому что решение покинуть свой родной дом и отправиться в другую страну было принято не ими.

Ссылки

Эпплбаум, Энн. 2003. *ГУЛАГ: История*. Нью-Йорк: Даблдей.

Куртуа, Стефан и др., ред. 1999. *Черная книга коммунизма*. Кембридж, Массачусетс: Гарвардский университетский пресс.

Кангро, Бернард. 1989. *Eesti kirjakuuletaja eksiilis* [Пропагандист эстонской литературы в изгнании]. Лунд: Кооператив писателей Эстонии.

Кулу, Хилл. 1997. Эстонская диаспора. *Trames* 1(3): 277-86.

Мяги, Арво, Карл Ристикиви и Бернард Кангро. 1973. *Eesti kirjandus paguluses* [Эстонская литература в изгнании]. Лунд: Кооператив писателей Эстонии.

Рааг, Раймо. 1999. *Eestlane väljaspool Eestit* [Эстонцы за пределами Эстонии]. Тарту: Издательство Тартуского университета.